

Г.Н. Кочешков

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

КРЕСТЬЯНСКИЙ ДВОР В 1917 ГОДУ (ПО СТАТИСТИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статье анализируются социально-экономические процессы, которые происходили в Ярославской деревне в 1917 г. Изучены статистические материалы, в том числе данные Всероссийской сельскохозяйственной и по-земельной переписи 1917 г., позволившие представить общую картину эволюционного развития крестьянских хозяйств Нечерноземья. Определена роль и значимость крестьянских дворов в сельскохозяйственном производстве. Изучены причины формирования среднего класса в деревнях Ярославской губернии. Выявлены изменения, произошедшие в провинциальной деревне с точки зрения структуры земельных наделов, наличия рабочего и молочного скота, структуры посевных культур.

Ярославская губерния в 1917 г., Всероссийская и поземельная перепись, наделные земли, рабочий скот, посевные культуры, животноводство.

В течение длительного периода времени отечественная историография уделяла особое внимание выяснению роли и места крестьянства в социальной структуре, что вполне объяснимо: к началу XX в. более 2/3 населения страны составляли сельчане. Совокупный доход от аграрного сектора вдвое превышал доходы от промышленности.

Русская деревня, патриархальная по своему укладу, являлась хранительницей традиционной системы ценностей. Консерватизм, крепкие общинные скрепы служили, с одной стороны, основой стабильности и прочности государственной власти, с другой стороны, тормозили дальнейшее развитие страны. Любые попытки модернизации русской деревни наталкивались на сопротивление не только значительной части дворянства, но и крестьян-общинников. Лозунг «Земля и воля» отнюдь не означал полного разрушения общинного мира. Напротив, теоретики и практики революционного освободительного движения видели в крестьянской общине идеал социального равенства и справедливости.

В середине XIX в. стала очевидна необходимость коренной ломки патриархальных, крепостнических отношений. Подневольный труд крестьян был малоэффективен; массовое недовольство сельчан грозило подорвать государственные основы императорской России. Все это заставило Александра II пойти по пути радикальных реформ и отменить крепостное право. Несмотря на двойственность, противоречивость аграрной реформы тем не менее социальное и правовое освобождение крестьян дало мощный толчок развитию страны.

Вторым шагом на пути модернизации русской деревни стала столыпинская аграрная реформа, благодаря которой у крестьян появился шанс стать свободными предпринимателями. В результате столыпинских преобразований свыше 2 млн домохозяев стали собственниками земли, общая площадь которой пре-

высила 14 млн десятин [14]. К сожалению, П.А. Столыпину не суждено было до конца реализовать свой план модернизации крестьянского хозяйства: смерть реформатора, а затем Первая мировая война прервали начатый процесс. Да и в самой крестьянской общине реформа не была воспринята однозначно.

Февральская революция 1917 г. вновь поставила в повестку дня земельный вопрос. Крестьянство с надеждой ожидало радикальных мер. Временное правительство, откликаясь на требования сельских жителей, приступило к разработке земельной реформы, однако реализовать свой замысел либеральному правительству не удалось: в октябре 1917 г. власть в стране захватили большевики, предложившие собственную революционную программу аграрных преобразований.

История земельного вопроса в России показывает необходимость взвешенного, планомерного и осторожного подхода к его решению.

Актуальность исследования определяется не только необходимостью осмысления опыта аграрных преобразований, но и крайне слабой разработанностью данной проблемы на региональном уровне.

Историография проблемы. Уже вскоре после падения самодержавия появляются первые публикации о крестьянском мире в эпоху революционных потрясений. При этом авторами трудов являлись крупные знатоки сельской жизни, ученые-практики с мировым именем. Каждый из них предлагал свой собственный вариант решения аграрного вопроса в постфевральский период [10; 11]

Второй этап отечественной историографии (1920-е – середина 1950-х годов) характеризуется снижением интенсивности исторических исследований, посвященных данной проблеме. Источниковая база научных трудов была крайне узкой; многие архивные документы были недоступны исследователям. Прева-лировала официальная точка зрения, принятая в научном сообществе [23; 8].

Третий период отечественной историографии начался со второй половины 1950-х и продолжался до конца 1980-х годов. Несмотря на непродолжительность эпохи «оттепели», появляется серия публикаций, авторы которых вводят в научный оборот новые архивные источники [20; 22].

1960-е годы знаменуются появлением фундаментального двухтомного исследования П.Н. Першина [17]. В нем подробно анализируются социально-экономическое положение крестьянства накануне и в ходе русской революции 1917 г., политика Временного правительства в аграрной сфере.

Нельзя не отметить и вклад известного ученого-аграрника А.М. Анфимова [1]. Представляет интерес коллективная монография П.С. Кабытова, В.А. Козлова, Б.Г. Литвак [19].

Современный этап отечественного крестьяноведения характеризуется публикацией целого ряда оригинальных работ [15; 2; 16; 21; 12; 13].

Несмотря на обилие научных трудов по истории русского крестьянства, по-прежнему крайне мало исследований регионального уровня. Исходя из научной значимости, актуальности и состояния изученности данной темы, в статье ставится целью исследование специфики функционирования крестьянских хозяйств в Ярославской губернии в 1917 году. Для решения поставленной задачи автором были всесторонне проанализированы статистические документы, в частности материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года, историко-статистический сборник по Ярославскому краю, введены в оборот новые архивные источники [3].

Февральская революция положила начало глубоким преобразованиям в социально-экономической сфере. Среди первоочередных задач, стоящих перед Временным правительством, крестьянский вопрос занимал далеко не последнее место. В весенние дни 1917 г. новая государственная власть предпринимает конкретные шаги по подготовке и реализации крестьянской реформы. 19 марта было опубликовано воззвание, в котором отмечалось, что земельный вопрос, ввиду его сложности и уникальности, требует серьезной подготовительной работы, учета интересов всех социальных групп. При этом Временное правительство предполагало привлечь к разработке проекта различные общественно-политические силы: Лигу аграрных реформ, в которую входили как ученые-аграрники, так и представители различных политических партий; земельные комитеты и др. общественные организации. Временное правительство уделяло большое внимание статистическим отчетам; по мнению властей, подготовить и провести аграрные преобразования в стране без глубокого анализа состояния дел в русской деревне было абсолютно невозможно. С этой целью правительство принимает решение провести сельскохозяйственную и поземельную перепись; при этом предполагалось, что статистические материалы, полученные в ходе переписи, позволят более объективно и точно отразить изменения в русской деревне, произошедшие за последние годы. Кроме данных о численности сельского населения, посевов, различных видов скота, появились графы по категориям угодий, найма рабочей силы, сельскохозяй-

ственного инвентаря и пр. К сожалению, по ряду объективных причин (продолжающиеся военные действия, крестьянские волнения в ряде губерний) статистические данные были неполными.

Тем не менее, несмотря на несовершенство переписных данных, Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 г. – это единственно массовый источник, на основании которого можно представить общую картину состояния аграрного сектора в изучаемый период, определить качественные и количественные изменения в крестьянских хозяйствах, уяснить общие тенденции эволюции сельского мира.

Работа по организации и проведению переписи началась в соответствии с постановлением Временного правительства от 5 мая 1917 г. На места были отправлены программы и инструкции для переписи, которыми должны были руководствоваться губернские статистические организации. Непосредственно сбором данных в уездах губерний занимались счетчики (учетчики). В основном это были студенты, недостаточно обученные и плохо подготовленные к столь сложной и важной процедуре.

Для проведения переписи были разработаны 4 формуляра: 1) подворная карточка; 2) общинный бланк; 3) список рабочих и служащих в частновладельческих хозяйствах; 4) бланки для описания крупных частновладельческих экономик.

Перепись была завершена в октябре 1917 г.; по отдельным губерниям и областям предварительные итоги были опубликованы в ноябре того же года; полностью данные были обнародованы в 1921 и 1923 гг. после обработки всех полученных сведений от губернских статистических отделов. Что касается региональной статистики, то по Ярославскому краю все данные были сведены в «Итогах Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по Ярославской губернии» (Ярославль, 1920). К сожалению, в силу ряда причин, как то: массовые крестьянские волнения весной-летом 1917 г., охватившие большинство губерний, в том числе и Ярославскую; недостаточная подготовленность, а нередко и небрежность счетчиков при проведении переписи; посевная и уборочная кампании; нежелание (в некоторых случаях) крестьян честно и открыто отвечать на вопросы анкеты – не удалось собрать полную информацию о крестьянских дворах. По Ярославской губернии отсутствуют данные о 2107 крестьянских хозяйствах, что составляет чуть более 1 % от общего количества крестьянских дворов [18, с. 7].

Основным документом, позволяющим выявить состав крестьянских дворов, количество посевной площади, численность скота, орудий труда, являлась подворная карточка. Всех регистраторов снабдили карточками, в которых были помещены сведения о населенных пунктах и домохозяевах, проживавших или владевших земельными угодьями в этих местностях [4, л. 14]. Она представляла собой таблицу, состоящую из 187 граф, распределенных на 8 отделов. В первом отделе давалась информация общего порядка: название губернии, уездов, волостей, населенных пунктов, данные о домохозяеве, его сословная принадлежность, национальность, размер наделной земли.

Во втором отделе фиксировались демографические сведения: пол, возраст, трудоспособность, занятая промыслами.

В третий отдел вносились данные о наличии сельскохозяйственного инвентаря: пахотные, уборочные орудия труда, колесный транспорт и пр. После подведения итогов переписи выяснилось, что графы этого отдела оказались практически пустыми. По мнению ученого А.М. Анфимова, вероятно, это было связано с двумя обстоятельствами: недобросовестностью, халатностью переписчиков и отсутствием у большинства крестьян такого рода сельскохозяйственного инвентаря [1, с. 205–212].

В четвертом отделе фиксировались сведения о наличии скота в крестьянских хозяйствах: лошадей, быков, коров, овец, свиней. Данные переписи 1917 г. по Ярославской губернии позволяют выявить изменения численности скота по сравнению с предыдущими периодами. Так, количество лошадей в 1917 г. по сравнению с 1916 г. возросло как в абсолютных размерах (соответственно 139.087 и 133.956 голов), так и с точки зрения количества лошадей, приходящихся на одно крестьянское хозяйство (соответственно 07 и 06 голов лошадей) [24, с. 50–51; 9, с. 66–67]. Факт удивительный, учитывая, что в период первой мировой войны шла массовая реквизиция лошадей на фронт. В то же время произошло сокращение быков в процентном соотношении – в 1902 г. они составляли 0,6 % от общего количества скота, а в 1917 г. – 0,2 % и овец соответственно – 8,9 % и 6,8 % [7, с. 90].

Пятый отдел – отдел землевладения. Судя по графам этого отдела он являлся для статистических комитетов одним из самых важных. Вся история аграрных отношений в России свидетельствует о том, что крестьяне одной из главных проблем называли малоземелье. В этой связи Временное правительство прекрасно осознавало необходимость тщательной проработки и выяснения сути данного вопроса. Надо было учесть те демографические изменения, которые произошли в деревне за годы войны: уменьшение численности крестьянского населения, ее убыль как естественную, так и в связи с гибелью солдат на фронте. Не секрет, что большую часть военнослужащих составляло именно крестьянское население. Поэтому разработчики переписной анкеты включили в пятый отдел большое количество показателей, касающихся землевладения. В частности, регистрировались различные формы землевладения и землепользования: надельные земли, купчие земли, подворно-наследственные, общинные, хуторские, отрубные и др. Размер посевной площади являлся одним из важных показателей уровня аграрного производства. Поэтому счетчики должны были свести в единую таблицу на основе данных о распределении земельных угодий беспосевные крестьянские хозяйства, владельческие экономии, в отдельных графах произвести описание посевных площадей под различные сельскохозяйственные культуры, а также земли, пригодные для животноводства: выгоны, луга и пр.

На основании статистических данных за 1917 г. можно определить структуру земельных угодий. Из общего количества надельной и купчей земель пашня составляла 24,1 %; сенокос – 20,3; лес – 32,3; прочая

удобная земля – 20,0; неудобная земля – 3,3 % [9, с. 88–89]. 24,9 % крестьянских хозяйств, как свидетелят итоги переписи, не засеивали свои земли (Там же, с. 110–111).

В шестом отделе фиксировались данные об аренде земли, при этом счетчики записывали в определенных графах размеры арендованной земли; сроки аренды; условия арендной платы; данные об арендодателях (частные лица, учреждения, общества). Аренда земли была неотъемлемой частью жизни русского сельчанина. В условиях малоземелья трудно было развивать свое хозяйство без расширения пашни. Но было и еще одно обстоятельство, о котором нельзя не упомянуть. После отмены крепостного права в России начался бурный рост крестьянского предпринимательства, о чем свидетельствуют многочисленные факты как покупки земли крестьянами, так и аренды надельной земли для расширения товарного производства сельскохозяйственной продукции.

Ярославская губерния не была исключением. Согласно статистике, в результате столыпинской аграрной реформы выросло число имущих крестьян – покупателей земли. Для сравнения возьмем 1877 год как базисный и посмотрим, как изменялась динамика земельной собственности крестьян (в процентах). В 1905 году в целом по губернии количество купленной земли крестьянами увеличилось на 89,3 %, в 1917 г. – на 84,5 %. При этом в некоторых уездах – Романово-Борисоглебском – на 339,1 %, в Мологском – на 253,9 %, в Ростовском – на 239,4 % [7, с. 54]. По отношению к надельной площади купчая крестьянская земля составляла в 1877 г. – 24 %, в 1905 г. – 45 %, в 1917 г. – 42 % (Там же, с. 16).

Таким образом, есть все основания говорить о том, что формируется новый слой частных землевладельцев из крестьян, ориентирующийся на рынок. К сожалению, этот процесс не был завершен из-за октябрьского переворота.

Седьмой отдел – отдел посевов. В нем регистрировалась посевная и залежная земля, находившаяся в пользовании у крестьян. Кроме того, в различных графах классифицировалось количество посевных культур, таких как озимая и яровая рожь, озимая и яровая пшеница, яровой ячмень, овес, гречиха, просо, кукуруза, полба, горох, чечевица, картофель, лен, конопля, подсолнечник, сахарная свекла, однолетние травы, многолетние травы. В Ярославской губернии предпочитали сеять такие культуры, как рожь, ячмень, овес, лен, картофель. В процентном отношении к общей посевной площади доля этих культур составляла соответственно 71,6; 71,4; 70,8; 79,4; 83,5 [9, с. 111–112].

Архивные документы позволяют понять причины посева именно этих культур на землях Ярославской губернии. Так, экспедиционное исследование Любимского уезда, проведенное в 1913 г., выявило значительную долю посевов яровых культур по сравнению с озимыми, что отвечало потребностям ярославского крестьянства. По свидетельству крестьян, как отмечалось в отчете, «не так важна рожь: все равно придется муку покупать для семьи; в редких случаях хватает своего хлеба на $\frac{3}{4}$ года. Совсем другое дело яровое: здесь и обеспеченность корма скотине и при

хорошем урожае – денежная поддержка хозяйства» [5, л. 18]. По уверению крестьян, рожь плохо родится на их землях; другое дело – ячмень: «и родится хорошо, и качеством выше и мягче в изготовлении для еды. Из него можно выпекать “лепешки”, “опекушки”, “олады”, “блины”, т.е. праздничную пищу» (Там же, л. 31).

Опубликованные данные лишь подтверждают общеизвестный факт: Ярославская губерния по преимуществу была промышленным, а не земледельческим регионом. Природа, климат, почва были недостаточно благоприятны для занятия сельским трудом; все это способствовало развитию отхожих промыслов. Ярославская губерния являлась одним из лидеров по числу «отходников». Главными центрами «отхожих промыслов», безусловно, являлись Москва и Санкт-Петербург.

Обращаясь к данным переписи 1917 г., можно проследить динамику «отходников» Ярославской губернии. Сравнивая эти данные с более ранними годами (1901 г.), следует отметить небольшое сокращение масштабов отхожепромысловой деятельности в среднем по уездам Ярославской губернии 40–45 %, что вполне объяснимо – шла война и значительная часть трудоспособного населения деревень (мужчин) была мобилизована.

Тем не менее доля «отходников» в процентном отношении ко всему трудоспособному населению Ярославской губернии была достаточно высока – 15,7 %, а доля крестьянских хозяйств с промыслами составляла 27,4 % от общего количества крестьянских дворов [9, с. 44–45, 110–111].

Значительное место в отхожих промыслах занимала торговля. Почти из каждой волости семьи отправляли мужей и сыновей на заработки, «по торговой части». Пройдя длинный путь обучения отходники нередко достигали статуса «приказчика». Ушедшие в торговлю крестьяне редко возвращались домой в деревню. Жены отходников иногда навещали своих мужей в Москве или Питере, привозя оттуда подарки в семью. Другой распространенной формой отхожих промыслов являлась работа в трактирах в качестве слуг и поваров. По мнению сельских жителей, данный вид промысла – «легкая нажива» [5, л. 53]. Немалое количество отходников «записывалось» в швейцары, буфетчики, дворники. Как правило, жили отходники экономно, артелью варили обед, за малую плату снимали угол для ночевки. И если бы не пристрастие к спиртным напиткам, то, по словам самих же рабочих, они могли бы жить вполне «припеваючи» (Там же, л. 56).

Распространен был и кустарный промысел: сапожный, выделка овчины, изготовление деревянной посуды, сельскохозяйственных орудий (борон, дровней, граблей и т.д.), столярный, кузнечно-слесарный, щепяной, плетение корзин из прутьев. При этом годовой доход кустарей варьировался от 20 до 200 рублей [6, л. 6].

Природные условия, крайне неблагоприятные для региона нечерноземья, внесли свои коррективы в практику аграрного сектора. В Ярославской губернии пашня преимущественно засеивалась техническими культурами: льном (Мышкинский и Мологский уезды), картофелем (Ростовский, юг Даниловского уез-

дов). Но больше всего Ярославский край славился животноводством. Ярославскую молочную продукцию хорошо знали в столичных городах. Центрами молочного животноводства Ярославского края были Даниловский, Романово-Борисоглебский, Мологский, Пошехонский и часть Ярославского уездов. На основе анализа данных переписи 1917 года можно сделать вывод о том, что, несмотря на военное лихолетье, Ярославской губернии удалось сохранить статус животноводческого края. По сравнению с 1902 г. количество коров в общей доле скота (в процентах) даже увеличилось с 31,6 до 34,4 % [9, с. 66–67].

И, наконец, в восьмом отделе – «торгово-промышленные заведения» – регистрировалась принадлежность хозяйства на праве собственности или аренды, наличие технического оборудования, помещений промышленного, торгового или иного характера. Здесь же фиксировались факты найма рабочей силы. К сожалению, эти сведения оказались неполными; по многим уездам вообще отсутствуют какие-либо данные в графах восьмого отдела, что не позволяет дать объективную оценку этого раздела переписи. Поэтому к цифрам, приведенным в статистических сборниках, надо подходить с большой долей сомнения. В частности, согласно переписи 1917 г. по Ярославской губернии, отмечается, что число наемных рабочих в трудоспособном населении составляет 1,2 %, а доля хозяйств с наймом – 2,5 % (Там же, с. 44–45). Но еще раз отмечаем, что эти данные далеко не полные и не могут отражать объективное положение дел с наймом рабочей силы в Ярославской губернии.

Подводя итоги исследованию, можно сделать определенные выводы. Во-первых, перепись 1917 г. позволила получить важные данные о функционировании крестьянского хозяйства в указанный период. Во-вторых, благодаря статистическим данным можно определить динамику развития русской деревни в период Первой мировой войны и февральской революции 1917 г. В-третьих, перепись как массовый источник по изучению крестьянских дворов дает обширные сведения о развитии отходничества, полеводства, животноводства, о степени капиталистической эволюции крестьянского мира на территории Ярославской губернии. В-четвертых, статистика свидетельствует о том, что в Ярославской губернии, как и в целом по стране, в результате столыпинской аграрной реформы интенсивно шел процесс формирования нового слоя частного землевладельца из числа крестьян. Однако процесс складывания сельской буржуазии не был завершен по ряду объективных причин.

Литература и источники

1. Анфимов, А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) / А. М. Анфимов. – Москва : Соцэргиз, 1962. – 383 с.
2. Вронский, О. Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917) / О. Г. Вронский ; Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации. Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2000. – 417 с.
3. Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Фонд 485. Ярославская губернская земская управа; Фонд 642. Ярославский губернский статистический комитет.

4. ГАЯО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 2303. Л. 14.
5. ГАЯО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 998. Л. 18, 31, 53, 56.
6. ГАЯО. Ф. 642. Оп. 1. Д. 24058. Л. 6.
7. Гуревич, М. Б. Историко-статистический сборник по Ярославском краю: Население, народное образование, землевладение, сельское хозяйство, промышленность, транспорт, финансы, кредит, война и проч. / М. Б. Гуревич. – Ярославль : Ярославский сельскохозяйственный и кустарно-промышленный союз кооперативов, 1922. – 232 с.
8. Дубровский, С. М. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. / С. М. Дубровский. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1956. – 168 с.
9. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по Ярославской губернии. – Ярославль : Б. и., 1920 (тип. полигр. произв. С.Н.Х.). – 161 с.
10. Кауфман, А. А. Аграрный вопрос в России / А. А. Кауфман. – Изд. 2-е, доп. – Москва : Московское научное изд-во, 1918. – 267 с.
11. Кондратьев, Н. Д. Аграрный вопрос. О землях и земельных порядках / Н. Д. Кондратьев. – Москва : Университетская библиотека, 1917. – 63 с.
12. Кочешков, Г. Н. Временное правительство и земельный вопрос: надежды и иллюзии / Г. Н. Кочешков // Великая российская революция 1917 года: проблемы истории и проблемы преподавания: сборник статей по итогам Международной научной конференции. – Москва : МПГУ, 2017. – С. 197–205.
13. Кочешков, Г. Н. Февральский революционный кризис 1917 года в рефлексии лидеров прогрессивного блока / Кочешков Г. Н. Сараева Е. Л. // Диалог со временем. – 2019. – № 68. – С. 301–317.
14. Кочешков, Г. Н. Русская революция и аграрный вопрос: время несбывшихся надежд / Г. Н. Кочешков. – Ярославль : ЯГПУ, 2019. – 231 с.
15. Милов, Л. В. Всероссийский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – Москва : РОССПЭН, 1998. – 573 с.
16. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 томах / Б. Н. Миронов. – 3-е изд., испр., доп. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 1. – 548 с. ; Т. 2. – 583 с.
17. Першин, П. Н. Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование : в 2 книгах / П. Н. Першин. – Москва : Наука, 1966. – Кн. 1. От реформы к революции. – 490 с. ; Кн. 2. Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции (1917–1918 гг.). – 576 с.
18. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям. Т. V. В.1. – Москва : б.и., 1923. – XII. – 218 с.
19. Кабытов, П. С. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения / П. С. Кабытов, В. А. Козлов, Б. Г. Литвак. – Москва : Мысль, 1988. – 237 с.
20. Соболев, П. Н. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в Октябрьской революции / П. Н. Соболев. – Москва : Госполитиздат, 1958. – 340 с.
21. Суханова, О. А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902 – 1922 гг. : по материалам Среднего Поволжья : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Самара, 2007. – 54 с.
22. Утенков, А. Я. Работа большевиков среди трудового крестьянства накануне Октября / А. Я. Утенков. – Москва : Госполитиздат, 1958. – 159 с.
23. Шестаков, А. В. Крестьянская революция 1905–1907 гг. в России / А. В. Шестаков. – Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1926. – 120 с.
24. Ярославский губернский статистический отдел. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Ярославской губернии: население, скот, посевы. – Ярославль, 1920. – 72 с.

G.N. Kocheshkov

**A PEASANT HOUSEHOLD IN 1917
(ACCORDING TO THE STATISTICAL MATERIALS OF THE YAROSLAVL PROVINCE)**

The article analyzes the socio-economic processes that took place in the Yaroslavl village in 1917. The statistical materials have been studied, including the data from the All-Russian Agricultural and Land Census of 1917, which allowed the author to present the general picture of the evolutionary development of peasant farms in the Non-Chernozem region. The role and importance of peasant households in agricultural production is determined. The reasons for the formation of the «middle class» in the villages of the Yaroslavl province are studied. The changes that occurred in the provincial village in terms of the structure of land plots, the availability of working and dairy cattle, and the structure of crops are revealed.

The Yaroslavl province in 1917, the All-Russian Agricultural and Land Census, allotment lands, working cattle, crops, animal husbandry.